

У всего есть ось, точка, от которой начинается распространение в пространство этого самого «всего». У живого существа есть позвоночник, вокруг которого Бог надстраивает многообразие живых и трепетных механизмов, собственно и составляющих существо. А душа, искра, данная Богом, у всякого горит по-разному, а значит, и светит с разной силой, освещая различные уголки бытия.

Такой осью Денис считал стрингер, деревянный профиль доски, задающий ей не только прогиб, но и придающий жёсткость. От того, каким он был, зависела сама доска, а душой её Денис полагал название, имя. Эту, создаваемую только для себя, короткую и жёсткую, призванную срезать при каждом повороте с волны рассыпчатые ломти брызг, он решил назвать «Радикал» и хотел её видеть бескомпромиссной и быстрой, как апрельский ветер.

Но, занимаясь разметкой этого самого профиля на длинной, широкой и тонкой фанере, среди своих карандашных помарок, досадуя на ошибки, которых не допускал уже давно, увидел вдруг, как древесные волокна сами собой выстраивают кривую днища и палубы!

Кривую идеальную и плавную, как качание веток и кружение планеты, но такую длинную, что её вполне хватило бы на девятифутовый полноценный лонг-борд. И несмотря на то что ему давно мечталось построить для себя шорт и наконец на это выкроилось время, он безотчётно, словно повинуюсь своим приученным рукам, электрическим лобзиком отпилил только то лишнее, что освободило из фанерной ленты проведённый рукой природы идеальный профиль.

И вот теперь стоял над верстаком и снова досадовал на себя.

Зачем, спрашивается, зачем нужно было переводить материал, кому этот лонг-борд был нужен? Ему?! Для чего!? Он полгода ждал передышки между заказами и ремонтом, отодвинул нескольких человек, чтоб скроить себе шедевр резкого поворота. Сделал чертёж, и вдруг под влиянием этих ну совсем уж призрачных линий, в которые сложились древесные волокна, на самом корню попортил весь замысел.

Ну, профиль, ну, признаться, на удивление какой-то законченный, но дальше-то что!? Как из пены, которую с двух сторон надо приклеить к этой плоскости, сделать форму, если в голове нет замысла, а на бумаге чертежа и ни одного размера!

Денис давно, лет с двадцати пяти, привык жить если не по плану, то по крайней мере выстраивая свои действия так, чтобы последствия были предсказуемы, а тут... Короче, всё отдавало какой-то кустарщиной.

Он был мастер! Он властвовал в этой мастерской над судьбами плавников и бортов, он был властелином формы, создавая её логичной и завершённой в такой логике и завершении, какие ему подсказывало мастерство. Но тут материал словно сам проявил волю! А ведь могло хватить на два шорт-борда!

И снова руки... привычные руки пристроили по сторонам фанеры пену, и снова, словно под их началом, не без досады Денис влился в привычные действия. Через несколько часов болванка была готова.

И что с ней было делать? Досаду вызывало то, что доска рождалась не им, а вообще сама собой, а он был необходим так же, как ему самому бывали необходимы под рукой то наждачная бумага, то нож, то линейка. Будто пространство использовало его опыт обращения с материалами, с ним не согласуясь. Творило свою какую-то целесообразность, обходя его логику, и он почему-то не в силах был противиться!

Походив вокруг заготовки, повертев карандаш то так, то так, прищурившись к болванке, он наконец нацелился провести хотя бы приблизительную кривую левого борта. Приставил карандаш, отнял руку, снова примерился и твёрдо повёл линию, но без привычных точек-меток. Повёл корму и начал сводить её к прямой линии борта, но предательская рука не желала вести линию так, как того желала голова, как видели глаза и подсказывал опыт.

«Веди как есть, расслабленной рукой, — послышалось ему в голове, словно там, в извилинах, среди воспоминаний о многочисленных видимых и представляемых формах, обнаружилась мысль, потерявшаяся настолько, что стала похожа на чужую. — Руки не отнимай, как есть веди до носа расслабленной рукой».

Рука и вела, не отнимаясь, вела линию, рисующую форму для лонг-борда настолько странную, что когда Денис её закончил и прислонил болванку стоймя к стене, то несколько поразился тому, что вышло. Пожалуй, такой доски ещё никто не видел, и, хоть прорисована она была только с одного борта, привычно он дорисовал в воображении второй — выходил какой-то не то чтоб уродец, нет — по форме идеально законченный сёрф, — но настолько необычный, что его идеальность граничила с уродством.

«Вырезай лекало, прорисовывай правый борт», — снова поступила мысль.

И руки привычно стали выполнять эту работу.

Вышла длинная, широкая в квадратной корме доска, сужающаяся к округлому носу.

«Гармонизируй пространство, извлеки эту форму».

«А вот это не моя мысль, — подумал Денис. — Доработался»...

Но тем не менее, взяв электрический лобзик, обрезал по линиям заготовку.

Как было точить борта, что делать с днищем? Перед ним лежал плоский огранённый пилкой болван. Руки шарили по нему, ощупывая.

— Ну-с. Ладно... — сказал он сам себе и снял тонким ножом первую пенопластовую стружку. Потом вторую, третью...

В голове бродили мысли. Пока он осторожно и чётко срезал пласт за пластом, грубо округляя грани, они мельтешили, подсказывая то форму, то силу давления на нож, приводя примеры виденных досок, и «обточенных», и нет, и среди всего их мельтешения одна вибрировала, как чистый голос среди невнятного хора:

«Постепенно, осторожно, не спеши, не порань».

И вдруг, когда он снял очередную стружку, эта мысль в голове его превратилась в голос настолько полноценный, что он чуть не выронил нож. Словно добрался до чего-то живого, заключённого в пену, и теперь это живое от пены освободил настолько, что стал явно и ясно слышать!

— Я тут, внутри, почти рядом, — шептал голос. — Под ладонями твоими моё тепло.

Денису уже было всё равно, что за голоса разговаривают у него в голове или раздаются в мастерской. Процесс его захватил, и пусть не было меток и линий — привычных глазу вещей, этот голос подсказывал, определял форму, и Денис, послушный и чуткий, эту форму добывал из нежного плена мелкопористой пены.

— Я — ты, — меж тем снова шептал голос. — А ты — я, потому что ты меня делаешь, а я тебе говорю, как это должно быть. Я такая доска, на каких когда-то

катались загорелые прадеды. Сёрфинг — колдун с островов в маске, он древней меня, но я такая доска, которая помнит, как он шагнул на континенты. Я никогда еще не видела океана, но знаю о нём больше тебя, больше всех! Я знаю каждого сёрфера в лицо, каждого, кто входил в океан с тех пор. Я полна впечатлениями от каждой волны, которую брал человек. Я помню и знаю вас всех, вместе и по отдельности! Теперь я — твоё знание.

Денис слушал её замеры, но руки продолжали двигаться, привычно и точно освобождая покатое, слегка закруглённое к бортам днище.

Никогда он не работал так долго без передышки. И не то чтобы не было нужды остановиться, перевести дух, освежить внимание! Нет, но ему казалось — прекрати он сейчас высвобождать из пенопласта это удивительное существо, как оно больше не скажет ему ни слова. Либо замолчит, либо он сам потеряет волшебную способность его слышать. Это будет тяжело, даже больно. Он прислушивался к этому голосу, ревниво боялся его потерять, как боится потерять молодую влюблённость поседевший человек.

А доска меж тем шептала:

— Из каких мириад воздушных пузырьков состоит пена моей плоти, сколько их, как сосчитать? Сам воздух уплотнился, спрессовался, чтобы меня создать, и ты теперь, создавая форму, отшелушиваешь от воздуха воздух, — разве не чудо? Вот семечко, оно лежит-лежит и вдруг начинает в пространство выпустить крепкий и толстый, налитанный жизнью росток, — разве не чудо? Пространство хочет иметь здесь дерево, и семечко его делает.

Пространству решилось заполнить себя мной, и вот оно это делает, заполняет. И знаешь, что это за пространство? Это пространство твоей души. Слушай пространство, всегда слушай, когда катаешься, когда создаёшь доски, оно существует чтобы быть заполненным, но заполненным гармонично, от навязанного страдает. Но молча...

Четыре дня Денис, не теряя способности слушать свою доску, трудился над ней. О том, чтобы теперь задумываться над формой или нюансами борта, не было

и речи, он в прямом смысле делал её так, как вела рука. Подготовил к оклейке и, не создавая дизайна, не ставя никаких своих эмблем, оклеил, а она всё ещё шептала ему. Высушил, покрыл лаком и ошкурил, покрыл ещё раз и отполировал. Высушил.

Вынес наконец во двор. За низким забором гудел океан, и солнце преломилось в блестящем гладком борте бликом таким же, каким ласкало изгибы волны. Пространство приняло доску, и она замолчала.

Несколько дней она вылёживалась в тени под навесом. Будни потекли своей чередой, люди приезжали в мастерскую, привозили и забирали заказы. И проводжая каждого, Денис останавливался рядом с ней, опускал на палубу ладонь и, кивая заказчику на прощание, прислушивался — не появится ли в голове снова этот необычный, теперь такой необходимый голос.

Кататься на ней он не шёл.

В мастерскую заглядывали разные сёрфовые люди по разным сёрфовым надобностям. Один из дней, уже начавших клониться к закату, привёл в мастерскую сёрф-гида в компании незнакомца, чьё лицо Денис как будто прежде уже видел. Короткий разговор не отвлёк Дениса от работы, и вдруг, уже выходя, тот, второй, остановился как вкопанный под навесом возле доски. Обошёл её, провёл тыльной стороной ладони вдоль борта и, обойдя ещё раз, спросил ни с того ни с сего:

— Сколько?

— В смысле? — удивился Денис. — Девять футов.

— Это вижу, денег сколько?

Денис даже опешил! И не думая, твёрдо сказал:

— Эта не продаётся.

Человек тряхнул согласно растрёпанной полуседой полувыгоревшей гривой и замолчал. Они уехали. Денис вернулся в мастерскую, походил там среди заготовок, давя ногами пенопластовые сугробы, перебрал инструмент, но из головы у него не шёл этот гривастый. И то, как он смотрел на доску, как прикасался к ней, словно понимал и чувствовал, что она существо, словно знал, что она за существо, словно слышал...

Ночью Денису спалось дурно, снилось, что он идёт среди каких-то букв, но таких больших, что не понять, какое слово они составляют. Он сбивал простыни в ком, ворочался и, если бы не тёплые руки Мари, не забылся бы вообще. И как только утро хлынуло в просторы, позвонил вчерашнему сёрф-гиду:

— Слышь, заезжай сегодня к десяти ко мне с этим, со своим, вторым. Сможешь? Ага, да, и он тоже. Ну попроси! Попробуй, ага. Всё, давайте, жду.

В десять он уже блуждал по двору и, едва заслышав шелест шин, подошёл к воротам. Поздоровался наспех и обратился к гривастому:

— Ты хотел доску?

— Что, составил цену? — проскрежетал тот.

— Да нет, — сказал Денис. — Она слишком дорогая. Я так её отдаю, без денег. Только сейчас бери, уже. Берёшь?

Гривастый глянул на него зелёными своими глазами и просто кивнул, подхватив доску, и отошёл к машине. Его спутник недоуменно рассматривал Дениса.

Денис его спросил:

— Морда у него знакомая... Откуда я его знаю?

— Ты чё! Это ж Вотермен.

«Вотермен... — подумал Денис. — Сам Ти Кей Вотермен. Легенда. “Танцующий с волнами”, и он её слышит! Он слышит мою доску».

От этой мысли стало спокойно.

«...Он её слышит, на ней, с ней будет ткать свой непостижимый танец в прибое и просторе, в пространстве. Он её слышит»...

Денис кивнул, пожал протянутую ладонь, постоял, провожая взглядом отъезжающий фургон, и вернулся в мастерскую.